

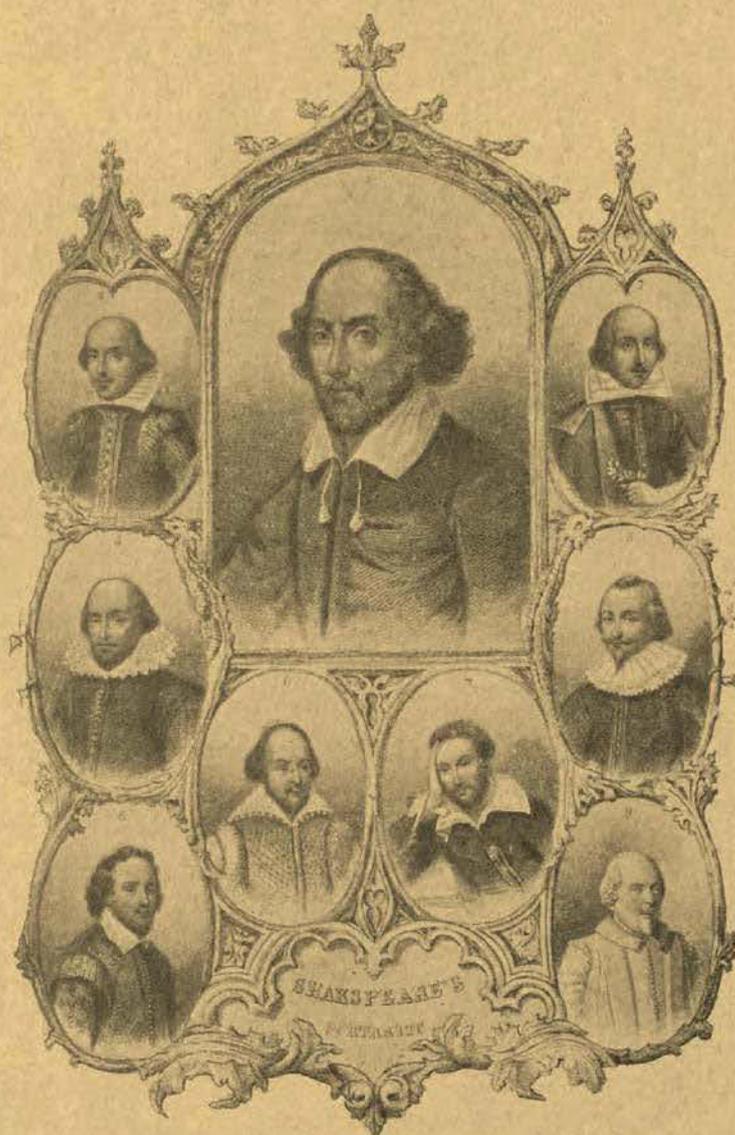
РАМПА

№ 3 (16)

и ЖИЗНЬ

1909.

Подъ ред. Л. Г. Мунштейна (Lolo).

Портреты Шекспира
(къ юбилейнымъ торжествамъ).

МОСКВА

Исторія перваго представлєнія „Чайки“ на сценѣ Александринскаго театра 17 октября 1896 г.

Воспоминанія Евт. Павл. Карпова.

Въ газетныхъ фельетонахъ, въ журнальныхъ статьяхъ, въ рецензіяхъ о пьесахъ А. П. Чехова, въ мелкихъ репортерскихъ замѣткахъ о театрѣ, въ рѣчахъ ораторовъ на театральныя темы, на актерскихъ и режиссерскихъ сѣздахъ, на публичныхъ лекціяхъ и въ частныхъ спорахъ актеровъ, литераторовъ и публики, словомъ—гдѣ только зайдетъ рѣчь о пьесѣ А. П. Чехова „Чайка“—всюду повторяется въ разныхъ вариантахъ ходячее мнѣніе о провалѣ пьесы въ Александринскомъ театрѣ.

„Неимѣвшая никакого успѣха пьеса „Чайка“ на казенномъ театрѣ“... „Непонятый артистами Александринскаго театра, А. П. Чеховъ возродился изъ пепла, когда“... „Провалившіе „Чайку“ артисты казенной сцены“ и т. д. и т. п. безъ конца... читаю я въ газетахъ и слышу изъ устъ ораторовъ вотъ уже болѣе десяти лѣтъ... На эту тему исписано множество бумажъ, наговорено безконечное количество рѣчей.

Высказано не мало умныхъ и вздорныхъ соображеній и предположеній. Разобрано, что называется, по косточкамъ, — какъ, что и почему?

Я не хочу вступать въ споръ, не хочу опровергать ходячія мнѣнія о „провалѣ“ пьесы „Чайка“ на первомъ представленіи въ Александринскомъ театрѣ... Я хочу правдиво рассказать исторію первой постановки пьесы „Чайка“ въ Петербургѣ.

Я думаю, что мой рассказъ внесетъ лучъ свѣта въ это дѣло и представитъ хотя нѣкоторый интересъ.

Лѣтомъ 1896 года я былъ назначенъ главнымъ режиссеромъ драматической труппы петербургскихъ Императорскихъ театровъ.

Задавшись цѣлью измѣнить кореннымъ образомъ характеръ репертуара, я обратился ко многимъ выдающимся русскимъ авторамъ, и въ первую голову къ Ант. Павл. Чехову, съ просьбою дать свои пьесы для постановки на Александринской сценѣ.

Помнится, въ августѣ я получилъ отъ Ант. Пав. письмо, въ которомъ онъ сообщилъ мнѣ, что у него есть пьеса и что онъ охотно отдастъ ее на Императорскую сцену. Меня несказанно обрадовало это извѣстіе. Я съ согласія директора театровъ И. А. Всеволожскаго включилъ пьесу въ репертуаръ предстоящаго сезона. Извѣстіе о постановкѣ новой пьесы Чехова вызвало живѣйшій интересъ въ труппѣ. В. Н. Давыдовъ, М. Г. Савина, М. И. Писаревъ, Н. О. Сазоновъ, В. Ф. Коммиссаржевская, С. Б. Аполлонскій съ нетерпѣніемъ ждали чтенія пьесы.

У Антона Павловича въ труппѣ было много друзей и горячихъ поклонниковъ. У всѣхъ въ памяти была жива постановка его пьесы „Ивановъ“. Г-жи Савина, Стрелетова, Абариннова, Стрѣльская; гг. Давыдовъ, Свободинъ, Далматовъ, Варламовъ, Арди съ необычайнымъ художественнымъ подъемомъ и съ чуднымъ ансамблемъ сыграли „Иванова“. Пьеса выдержала массу представленій и доставила автору и артистамъ выдающійся успѣхъ.

Понятно, почему труппа съ нетерпѣніемъ ждала постановки новой пьесы Ант. Павл. Чехова.

Въ срединѣ сентября я получилъ въ отгискахъ „Чайку“.

Помню, какъ сейчасъ, то впечатлѣніе, какое произвела на меня пьеса въ чтеніи.

Написанная въ мягкихъ, акварельныхъ тонахъ, проникнутая задумчивой грустью, жизненная до мельчайшихъ подробностей, правдивая и тонкая по психологическимъ дѣйствующихъ лицъ, „Чайка“ напомнила мнѣ, по своему колориту и настроенію, пьесы И. С. Тургенева, и въ особенности „Мѣсяць въ деревнѣ“. Хотя она не имѣла ни по содержанию, ни по характеру дѣйствующихъ лицъ, ни по развитію драматической коллизіи ничего общаго съ Тургеневскою пьесой.

Будничность содержания, отсутствіе сильныхъ драматическихъ моментовъ, обывательская сѣренькая, деревенская жизнь, сѣренькіе русскіе, расплывчатые характеры, безвольные, засосанные средой люди... И среди нихъ чудная, даровитая дѣвушка, — Нина Зарѣчная, съ мятущейся душой, жаждущая свѣта, простора, любви, ищущая идеала, выхода, шири для своего таланта...

Вмѣсто любви Нина Зарѣчная нашла пошлость, вмѣсто служенія высокому искусству — грязную сцену провинціального театра съ полупьяными актерами, съ грубой, неразвитой публикой, выдавшей въ актрисѣ доступную женщину...

— „Я Чайка!“ — страдальческимъ голосомъ говоритъ Нина въ послѣднемъ актѣ Треплеву, придя къ нему въ непогожую ночь, и съ разбитымъ сердцемъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, уходитъ въ темноту осиротѣлаго, осеняго сада, съ голыми, лишенными листьевъ, деревьями...

Да, это правдивая, глубокая, сильная и такъ просто, такъ необыкновенно просто, безъ всякихъ фальшивыхъ выкриковъ и театральныхъ эффектовъ, написанная рукой большого таланта, драма...

Таково было мое впечатлѣніе при первомъ знакомствѣ съ „Чайкой“.

И я прекрасно понималъ, что воплощеніе на сценѣ этой пьесы представляетъ задачу весьма большой трудности. Съ робостью я приступилъ къ инсценировкѣ пьесы.

Очень долго подробно мы обсуждали съ Александромъ Степановичемъ Яновымъ, художникомъ Александринскаго театра, планъ декораций, всѣ детали постановки. Яновъ прекрасно чувствовалъ русскій бытъ, русскую природу, любилъ ее и былъ увлеченъ пьесой Чехова.

Особенной тщательностью онъ разработалъ ма-

кеты декораций, по поводу каждой мелочи приходило совѣтоваться со мной.

Я предполагалъ поставить „Чайку“ не ранѣе середины ноября, но дѣло повернулось иначе.

Елизавета Ивановна Левкѣева, юбилейный спектакль которой былъ назначенъ на 17 октября, просила меня отдать пьесу Ант. Пав. ей на бенефисъ. Отказать Елизаветѣ Ивановнѣ я не могъ, хотя предупредить ее, что для нея нѣтъ роли въ пьесѣ Чехова и что врядъ ли мы успѣемъ къ 17 октября поставить пьесу... Мнѣ не хотѣлось ставить пьесу наспѣхъ, кое-какъ, съ шести-семи репетицій... Но Левкѣева такъ облюбовала „Чайку“, такъ дѣлѣяла мысль имѣть въ бенефисъ пьесу Чехова, что и слушать ничего не хотѣла.

Она сама побывала въ мастерской у Янова, взяла съ него слово, что онъ напишетъ декорации къ сроку, обратилась съ просьбою къ Антону Павловичу дать ей „Чайку“ въ бенефисъ.

Она ворвалась ко мнѣ въ кабинетъ, какъ буря, взволнованная и радостная, получивъ отъ Чехова разрѣшеніе на постановку „Чайки“.

7 октября было первое представленіе пьесы „Пашенька“, а 17-го юбилейный бенефисъ Е. И. Левкѣевой за 25 лѣтъ службы на Императорской сценѣ.

„Чайку“ надо было поставить въ девять дней. Срокъ болѣе чѣмъ короткій! Вся моя надежда была на то, что опытные талантливые артисты, дружно, съ любовью принявшись за работу, въ концѣ концовъ выйдутъ побѣдителями изъ труднаго положенія.

Я написалъ Ант. Пав. письмо, прося его намѣтить тѣхъ артистовъ, которыхъ онъ хотѣлъ бы занять въ своей пьесѣ. Для себя я уже составилъ распредѣленіе ролей въ „Чайкѣ“. Скоро я получилъ письмо отъ А. С. Суворина. Онъ писалъ, что Ант. Пав. просилъ его назначить роли совмѣстно со мной и прилагалъ распредѣленіе ролей.

Въ общемъ наши назначенія ролей совпадали, но роль Нины Зарѣчной Ант. Пав. назначилъ М. Г. Савиную, а я считалъ болѣе подходящей для этой роли В. Ф. Коммиссаржевскую.

М. Г. Савина, мнѣ казалось, могла бы создать изумительный образъ Аркадиной. (М. Г. Савина и доказала это, сыгравъ съ неподражаемымъ совершенствомъ Аркадину при возобновленіи „Чайки“ въ 906 году).

Согласно желанію Ант. Пав., я распредѣлялъ роли совмѣстно съ А. С. Суворинымъ и роль Нины отдалъ М. Г. Савинной.

Роли были распредѣлены такъ: Аркадина — Дюжикова 1-я, Треплевъ — Аполлонскій, Соринъ — Давыдовъ, Нина Зарѣчная — Савина, Шамраева — Варламовъ, Шамраева — Абариннова, Маша — Читау, Тригоринъ — Сазоновъ, Дорнъ — Писаревъ, Медвѣденко — Панчинъ, Яковъ — Локтевъ, поварь — Гроепольскій, горничная — Нальханова.

Медлить было некогда. Восьмого октября была назначена считка пьесы „Чайка“.

Несмотря на то, что первые артисты были уже знакомы съ пьесой, всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слушали „Чайку“ и досадовали, что ее надо играть наспѣхъ.

На первую репетицію М. Г. Савина не пріѣхала.

„Прочтя еще разъ ночью пьесу, перечитавъ нѣсколько разъ роль Нины, я рѣшила, что не могу играть эту роль“... писала Марія Гавриловна. „Мнѣ очень неприятно огорчать отказомъ отъ роли автора и бенефициантку, и, если это нужно, я готова сыграть Машу“.

Но Маша была уже отдана Читау.

Я сейчасъ же извѣстилъ объ отказѣ М. Г. Савинной А. С. Суворина и предложилъ передать роль Нины — Коммиссаржевской. Суворинъ согласился.

Къ танцамъ Айседоры Дунканъ (по греческимъ фризамъ). Ориг. рис. С. Ю. Судейкина.

Первая репетиция, къ великой моей досадѣ, прошла кое-какъ.

Какая репетиция безъ главнаго дѣйствующаго лица!

Съ тревогой въ душѣ я, послѣ репетиции, поѣхалъ къ Комиссаржевской просить ее взять на себя роль Нины.

Артисты народъ самолюбивый и очень не любятъ, когда имъ даютъ роль послѣ отказа отъ нея другого артиста.

В. Ф. Комиссаржевская просила прочесть пьесу и вечеромъ общала дать отвѣтъ.

Требованіе ея было вполнѣ законно; но волновался я страшно...

Вдругъ откажется!

Но В. Ф. Комиссаржевской очень понравилась и пьеса и роль Нины, и она съ охотой согласилась ее играть.

Вторая репетиция прошла съ тетрадами въ рукахъ актеровъ, въ „разборкѣ мѣстъ“. Одинъ только Н. Ф. Сазоновъ репетировалъ, зная наизусть роль Тригорина.

Я Богомъ молилъ актеровъ, въ виду малаго количества репетицій, поскорѣй выучить роли. Необходимо было установить основной тонъ пьесы и затѣмъ приступить къ детальной разработкѣ характеровъ и обихихъ сценъ.

Надо отдать справедливость артистамъ, — они всѣ работали съ необыкновеннымъ увлеченіемъ, съ тѣмъ художественнымъ пыломъ, который охватываетъ актера, когда онъ чувствуетъ въ авторѣ истиннаго художника.

Репетиціи затягивались съ 11-ти часовъ утра до пяти-шести вечера. Мы по нѣскольку разъ повторяли одну и ту же сцену, передѣлывали планировку, добились вѣрныхъ тоновъ, соответствующихъ пьесѣ настроеній. Актеры волновались, спорили между собой и со мной, горячились, нервничали...

В. Ф. Комиссаржевская волновалась, конечно, больше всѣхъ.

Чѣмъ больше она репетировала, тѣмъ сильнѣ ей нравилась роль. Она очень скоро нашла вѣрный тонъ для Нины Зарѣчной и уже съ третьей репетиціи жила на сценѣ.

В. Н. Давыдовъ, репетировавшій съ изумительной тщательностью, виртуозно намѣчалъ Сорина. Н. Ф. Сазонову не давался Тригоринъ, и онъ не разъ на репетиціяхъ впадалъ въ отчаяніе... Р. Б. Аполлонскій

тоже не сразу нашелъ тонъ для декадента-неврастеника Третьякова. Умная А. Дюжикова правильно рисовала очертанія характера Аркадиной, этой самодовольной эгоистки, нелишенной чисто актерской, поверхностной сентиментальности. Переигрывала М. М. Читау Машу, стараясь сдѣлать ее характерной. К. А. Варламовъ, какъ сказочная птица Сиринъ, сочно и ярко пѣлъ Шамраева. Красиво, хотя сухоовато намѣчалъ Писаревъ Дорна и въ достаточной степени тупой, чувственно-любящей была А. И. Абарина. Событія не удавалась роль Медвѣденко — А. С. Панчину.

Я хорошо чувствовалъ, какъ трудно большинству артистовъ Александринскаго театра, привыкшимъ за послѣдніе годы играть преимущественно репертуаръ Викт. Крылова и вообще легкую комедію, близкую фарсу, исполнять жизненную, тонкую, полную полутоновъ и настроеній пьесу Ант. Пав. Чехова. Но я видалъ, съ какимъ удовольствіемъ, съ какой любовью они репетировали, стараясь передать характеръ и колоритъ произведенія Чехова.

На четвертую репетицію пріѣхалъ въ театръ Антонъ Павловичъ Чеховъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Евтихій Карповъ.